

Валерий БРЮСОВ

<Рец. на кн.:> **Андрей Белый. Глоссалоллия**

Поэма о звуке. К-во «Эпоха». Берлин. 1922 г. С. 132

«Критиковать научно меня — совершенно бессмысленно», предупреждает А. Белый. Но как же его критиковать? Искать в «Глоссалоллии» *поэму*, художественное произведение? Однако, читаем (с. 24): «агглютативные языки (китайский, туранский) приклеивают приставку к корням, а во флективном периоде приставочный и приставляющий корень теряют первичные смыслы: санскритские корни — такие». Это ли язык поэзии? Автор «Глоссалоллии» сыплет терминами, щедр на цитаты, ссылается на Макса Мюллера, В. Поржезинского, на ученейший «*Wörterbuch Benfeler's*»¹, читатель оглушен примерами из языков ассирийского, зендского, индустани, пали, китайского, туранского, литовского, армянского и т. п., не говоря уже о древнееврейском, греческом, латинском, санскрите. Главное же, автор оперирует понятиями, логически доказывает, и его тема — процесс возникновения слов. Почему же А. Белый настаивает, чтобы мы это все считали поэмой?

Ответ напрашивается. Потому что А. Белый не хочет, чтобы его «критиковали научно», сознает, что научной критики его «поэма» не выдержит. Но откуда такая робость в Андрее Белом, писателе вообще «неробкого десятка»? Это вовсе не робость. Это — принципиальная ошибка в понимании того, что такое *наука* и что такое *поэзия*. В «Глоссалоллии» метод автора — интуиция, и А. Белый думает, что интуиция — метод художественного творчества. Он заблуждается. Подлинный метод поэзии — *синтез*, как подлинный метод науки — анализ. Интуиция же есть вспомогательный метод, равно применимый как в научных исследованиях, так и в художественном творчестве, — метод, дающий в высшей степени ценные результаты, когда они проверены потом рационалистически, путем опыта и наблюдения, в противном же случае при-

щий только к произвольным построениям, бесплодным и в точном знании и в искусстве*.

В основу «Глоссалолии» положено выявление *сущности* звуков, употребляемых в человеческой речи. Так, напр<имер>, А. Белый поучает (с. 112), дойдя до этого «интуитивно», что звук *М* — это «живая вода, излившаяся в нас, элексир, река жизни, животная мудрость...» Но тут сразу вспоминается, что тем же самым интуитивным путем К. Бальмонт в своей книжке «Поэзия как волшебство» (М., 1916) дошел до такого определения звука *М* (с. 59): «мучительный звук глухонемого, стон сдержанной, скомканной муки». Потрясающее совпадение. Оно толкает на дальнейшие сравнения. Для А. Белого *В* — «волна убеленная», а *Г* — «поверхности минералов» (с. 112 и 113), для К. Бальмонта *В* — «самое причудливое звуковое существо», которое «недаром стоит в азбуке рядом с *Г*» (с. 64 и 65). Для А. Белого *З* — «розоватость, заря, рассыпчатость и простерстость лучей от блистаний и ясностей *С*» и т. п. (с. 108); для К. Бальмонта *З* и *С* — «слышны в шипении змеи» (с. 67). А. Белый знает, что *Ч* — «это проекция темноты на материю», *Н* — «глубина и вода», *П* — «уплотнение чувств» (с. 109, 110, 113); К. Бальмонт этого не подозревает.

Не менее любопытны интуитивные постижения гласных звуков. А. Белый не только определяет их, но и называет цвет каждого из них: «звук *А* — белый... звук *Е* — желтозелен... звук *И* — синева... *О* — краснооранжевый... *У* — пожары пурпурности...» (с. 66—67). Для К. Бальмонта «*А* — не алый рубин, а в лунной чаре опал... *И* — тонкая линия... *У* — музыка шумов...» и т. п. (с. 60—62). А третий интуит, Артур Рэмбо, лет 50 тому назад утверждал: «*А* — черное, *Е* — белое, *И* — красное, *И* — зеленое, *О* — синее»³. Какой реальный вывод можно сделать из всех этих пустых гаданий? Как документы для изучения психологии и ее аномалий, они могут быть полезны, но это — не основа ни поэмы, ни научного трактата. Интуиция — неопенима, когда она — могучее усилие мысли, мгновенно охватывающее многообразие ранее изученных фактов и делающее из них правильный вывод. Так совершались величайшие научные открытия и так же создавались величайшие произведения искусств. Интуиция — ничто, когда она — безудержное скитание в области произвольных фантазий и субъективных пристрастий. Так великие поэты не творили никогда.

Поэтому нет надобности следовать за А. Белым по его книге, — все равно, поэма ли это, трактат ли, — в которой он, пользуясь

* Изложенный здесь взгляд развит мною в публичной лекции «Поэзия и наука», которая была дважды прочитана в Москве и будет напечатана в одной из ближайших книг «Печати и революции». — В. В.²

излюбленным приемом оккультистов, аналогией, строит субъективнейшие и произвольнейшие параллели между творчеством языковым и всем мирозданием. «Мир, — уверяет А. Белый (с. 30), — абстракция круга миров; мир — момент мирозданий; понятие непонятно в понятии; эсотерический смысл его — круг; это — миф». Это все столь же убедительно, как и то, что для Андрея Белого звук А — белый, для Артюра Рэмбо — черный, для К. Бальмонта — опаловый.

